

Григорий Левин

Продолжая великие традиции

Однажды мне посчастливилось. В Харьковском Университете я познакомился с младшим по курсу Акопом Салахьяном, – впоследствии известным критиком, литературоведом, защитившим диссертацию у Б.М. Эйхенбаума. Впоследствии его узнали все республики страны, как многолетнего заместителя главного редактора журнала «Дружба народов».

В доме у Акопа я впервые слушал песни Саят-Новы, арии из оперы «Ануш», стихи Ов. Туманяна, с ним я учился читать по-армянски, изучал грузинский. Акоп привил мне на всю жизнь любовь к одной из древнейших в мире поэзий – поэзии Армении.

Я говорю об этом личном случае только потому, что после Украины и России Армения как бы стала для меня второй родиной. Я переводил армянских поэтов, участвовал в декаде армянской литературы и искусства, много писал о литературе этой замечательной республики.

В известном литературном объединении «Магистраль», о которой впервые написал в «Литературной Газете» Илья Сельвинский, неоднократно читала свои стихи пишущая на русском языке поэт Сэда Вермишева.

Я редактировал ее первую книгу «Солнце стоит высоко». (В Ереване опубликовано четыре сборника ее стихов. Там она и была принята в Союз Писателей Армении). Однако всесоюзный читатель может ее узнать только сейчас, когда в издательстве «Советский Писатель» вышла ее книга «Нагорье».

Без преувеличения могу сказать, что эта книга, тем более в настоящее время, когда Армения переживает тяжелую полосу своей истории, когда к горькому опыту турецко-армянской резни 1915 года, вошедшему в историю под именем «геноцида», присоединился, по сути, такой же геноцид в Сумгаите, за которым последовали другие, подобные им, хорошо известные по нашей печати, трагедии не только в Армении, но и в других национальных республиках.

Сэда Вермишева – дочь своего народа. Народа с великой исторической судьбой, отражавшего набеги всякого рода завсегдателей мира, и пронесшего через века свою культуру, гордость, мужество, чувство независимости и высокий святой дух поэзии.

Этот дух можно почувствовать не только по знаменитой книге Валерия Брюсова «Поэзия Армении», но и по прекрасному тому средневековой армянской лирики, опубликованной «Библиотекой Поэта». Достаточно назвать одно имя гениального Нарекаци, чтобы в душе каждого человека, любящего поэзию, составилось представление о масштабе всей литературы, всей культуры Армении.

Естественно, что в новой книге С. Вермишевой «Нагорье» главное место занимают стихи о Родине. С первых же шагов в поэзии С.Вермишева более чем близко принимала к сердцу жгучие проблемы Армении, высоко ценила ее бессмертное литературное наследие, тем более богатое, что оно питалось истоками многовековой христианской культуры, которая питала и все искусство мира. Армения раньше всех других стран приняла христианство. Упоминание об этом уместно здесь, потому что идея милосердия пронизывает собою всю поэзию Сэды Вермишевой.

С полным правом, как бы олицетворяя себя, и растворяя себя в Армении, Вермишева пишет: «Я – щербатая клинопись, непрочтенная, на скале. Я – сто тысяч раз погребенная, поклонитесь моей земле».

Поэт подчеркивает многовековую преданность народа своей Родине, когда говорит в конце стихотворения: «В свой гарем арканит Восток, и равнины зовут раствориться... только я не могу – я – птица, скала – мой дом...»

Этот же образ, но с новым поворотом, поражает нас в строках: «Я, словно птица, над тобою пламенею и крылья, через все моря, к тебе несущу...»

«Армения, – пишет она, – Мой щит, и меч, и отчая рука...» С такими же основополагающими началами ассоциирует поэт родную землю, и конечно же, только истинный поэт может сказать о Родине «Задумана и рождена тобой...» или же: «На родовом твоём, проросшем в скалах древе — я ветвь зеленая...»

Глубоко чувствующий одновременно со своей Родиной всю землю, поэт Вермишева к родной земле обращает слова: «ты – цветок дыхания земного»... И создает очень колоритный, подлинно народный образ: «люблю свирель твою, взнесенную с утра над городом, над тишиной, над пашней...»

Или вот еще, обращенные к Армении, строки свободного, легкого дыхания: «как любить тебя, как лелеять, на какие встать рубежи? Маком пурпурным в поле реять, перепелкою плакать во ржи?»

В другом, обращенном к Родине, стихотворении вложено в строки материнское чувство: «Как мала

ты теперь, у крови память твоя...»

О щедрости народной души С. Вермишева говорит в многозначном для каждого кавказского поэта образе: «Как жилище горца – ты вся распахнута».

Нельзя не выделить такой, посвященный памяти жертв геноцида армян в Турции, цикл, как «Хачкар». Именно в наши дни в полный голос прозвучали строки: «Мне страшно поруганье храмов, попанье истин и основ». Еще более пронзительна строка: «Во прахе вещей смысл креста...»

Так же пронзительны своим образным осмыслением строки, взятые эпитафией к циклу «Голос памяти»: «Память моя – пепелище, горечь пустого гнезда...»

И вновь пробивается чувство материнства, когда поэт говорит с Арменией как бы голосом своего времени после трагического Спитакского землетрясения: «Как вывести тебя из бездны, взяв за руку, как девочку слепую?...». А родные холмы после стихийного бедствия представляются поэту раздавленными скорлупками, гнездами, из которых выпали птенцы: «известкой белою раздавленных скорлупок лежат холмы, птенцы из гнезд упали...»

И все же драматическая поэзия Вермишевой дышит верой в жизнь и переполнением ею Бытия.

«И прорастает слово «быть» в руинах неприкаянных...» «Хоть кровью мечен твой цветок, но ты жива, Армения!..»

«Со смертью можно бороться лишь жизнью», «Я миру, как хлеб, протяну доброту. Как хлеб проломите свободу, о братья, ступите за смерти черту!» – вот исповедание веры Сэды Вермишевой.

Пишущая на русском языке С. Вермишева чувствует свою судьбу неотделимой от России и русской культуры. Во многих ее стихах живет противоречивое, и потому глубоко органическое чувство: с одной стороны она откровенно признает: «Я никогда не умела читать на лице твоём, Русь». В то же время она ощущает острую боль даже от временной разлуки с российской землей: «Но почему мне так сиротливо жить на земле без тебя?»

Оценку этих строк можно отнести и ко всему циклу, обращенному к России. И снова в противоречиво-едином образе она говорит: «Подари мне всю Россию... Подари мне лес и поле, с лопухами, лебедой, подари дороги волю и великий непокой... Все отдай мне в дар нетленный... Все равно – верну с лихвой...»

Вслед за этими стихами хочется сказать о том, как поэт воспринимает сложность и противоречия самого времени, в которое ему выпала доля жить. Вот небольшое, но полное сложнейших ассоциаций стихотворение: «Каждый день мой – только день, не битва, – сто компромиссов, уйма полуслов... И в этом дне расплывчато и слитно лицо друзей моих, лицо моих врагов. И я живу, живу без донкихотства, предубежденность пряча и порыв... Я чувствую свое с врагами сходство...»

Для такого признания требуется большая строгость и требовательность в отношении к самой себе.

Сэда Вермишева не боится показать незащищенную: она достаточно мужественна для этого: «Но все-таки себя я вызываю для разговора с Родиной из нор своих. Начало — знаю. А конца — не знаю» «...Мне нужно истин свет для Родины добыть, а не из нор глухих о них судачить!»

«Поверь в себя, поверь себе»... призывает она родную страну.

«И снова поиски пути.» – откровенно говорит она своему читателю...

Нет даты под стихотворением, но понятно, что написано оно во время, когда бахвальство нередко подменяло собой подлинность достижений:

«Победа! Победа!..
Ну сколько же можно побед?
Душа оскудела, а гром не стихает побед...»

Выступающая в таком облике, взятая в кавычки «победа» представляется поэту постылой «костлявой речью».

Сэда Вермишева восстает против дробления целостности человеческой природы, и, чтобы заново удостовериться в том, что целостность все же в основе своей жива, она говорит о ее клочках: «Я подношу вас к слепящим глазам»

И вслед за этим – казалось бы, – неожиданное признание: «Я так хочу сломаться! Сильных – дольше бьют.»

Эти слова сказаны конечно же человеком сильным, а не слабым. Потому что нужна сила для самого этого признания.

Я считаю удивительным по самораскрытию и беспощадности к себе стихотворение, в котором поэт как будто сдает свои позиции неумолимой жизни, а на самом деле выходит победителем, ибо смирение, о котором говорит поэт – мнимое, кажущееся, от того что смирение это – перед самой жизнью, перед людьми, и естественно, оно может быть куплено только дорогой ценой. Вот это стихотворение:

Григорию Левину

Мне надоело кланяться плохим,
Украшившись смиреньем ложным,
И подставляя себя рогам,
И заикаться по слогам...
Молчать – в который раз по счету
Когда на глотку наступили...
И делать всякую работу,
В рукав запихивая крылья.

Но с каждым днем трезвее,
Тверже, строже
Я познаю свой долг; свой долг, а не права!
И я смиренно кланяюсь прохожим,
Запихивая крылья в рукава...

23 октября 1990 г.

Москва